

В.Ю. Свиридов (Москва)

БУНИН И ЭРТЕЛЬ: СЮЖЕТНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ*

Аннотация

Среда, в которой воспитывался будущий нобелевский лауреат, постоянное общение с представителями народнического течения, а также тесная связь с братом Ю.А. Бунинным не могли не оказать на него влияния. Однако тема «Ранняя проза И.А. Бунина и народническая литература» является для русского литературоведения неразработанной и ранее исследователями не рассматривалась. Статья посвящена анализу рассказов А.И. Эртеля и раннего творчества И.А. Бунина. Поскольку народничество было направлено на изучение крестьянской жизни, основное внимание в работе уделено типам крестьян, которые мы встречаем у писателя народнических взглядов А.И. Эртеля в рассказах «Земец» и «Поплешка», а также в раннем творчестве И.А. Бунина, в рассказах «Кастрюк» и «Неожиданность» («Вести с родины»). Выявлено, что крестьяне из этих рассказов имеют общие черты и характеристики, а рассказы «Поплешка» и «Неожиданность» («Вести с родины») являются откликом на общественно-значимые события – неурожаи 1880 г. и 1891–1892 гг. соответственно. Изображение крестьян примерно одного возраста, их общих переживаний, трудностей и тягот, одинаковой погоды и времени суток, использование схожих мотивов позволяет с уверенностью говорить о творческом диалоге И.А. Бунина с А.И. Эртелем. Однако цели, которые преследуют оба писателя, совершенно разные: А.И. Эртель создает обобщенный образ крестьянина, представляющего собой тип пореформенного крестьянина, а И.А. Бунин заостряет внимание на личных переживаниях своих героев, их душевном состоянии.

Ключевые слова

Эртель; Бунин; ранняя проза Бунина; «Записки Степняка»; «Земец»; «Поплешка»; «Кастрюк»; «Неожиданность» («Вести с родины»); народническая литература.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00347 «Раннее творчество И.А. Бунина: поэзия, проза, критика, публицистика, переводы (1883–1902 гг.)».

BUNIN AND ERTEL: PLOT PARALLELS**

Abstract

The environment in which the future Nobel laureate was brought up, constant communication with representatives of the populist movement, as well as a close relationship with his brother Yu.A. Bunin, could not but influence him. However, the topic “I.A. Bunin’s Early prose and Narodnik literature” is undeveloped for Russian literary studies and has not been considered by researchers before. The article is devoted to the analysis of the stories of A.I. Ertel and the early work of I.A. Bunin. Since populism was aimed at studying peasant life, the main attention in the work is paid to the types of peasants that we find in the stories “Zemets” and “Popleshka” by A.I. Ertel, writer of narodnik views, as well as in the early works of I.A. Bunin, in the stories “Kastruyuk” and “Suddenness” (“News from the Motherland”). It is revealed that the peasants from these stories have common features and characteristics, and the stories “Popleshka” and “Surprise” (“News from the motherland”) are a response to socially significant events – crop failures of 1880 and 1891–1892, respectively. The image of peasants of approximately the same age, their common experiences, difficulties and hardships, the same weather and time of day, the use of similar motives allows us to assert the creative dialogue of I.A. Bunin with A.I. Ertel. However, the goals pursued by both writers are completely different: A.I. Ertel creates a generalized image of a peasant, representing a type of post-reform peasant, and I.A. Bunin focuses on the personal experiences of his characters, their state of mind.

Key words

Ertel; Bunin; Bunin’s early prose; “Stepnyak’s Notes”; “Zemets”; “Popleshka”; “Kastruyuk”; “Suddenness” (“News from the Motherland”); folk literature.

А.И. Эртель – один из крупнейших русских писателей последних десятилетий XIX в. Его талант высоко ценили В.Г. Короленко, Л.Н. Толстой, Г.И. Успенский, А.П. Чехов. В 1929 г. И.А. Бунин писал: «Он теперь почти забыт, а для большинства и совсем неизвестен. Удивительна была его жизнь, удивительно и это забвение. Кто забыл его друзей и современников – Гаршина, Успенского, Короленко, Чехова? А ведь, в общем, он был не меньше их, за исключением, конечно, Чехова, – в некоторых отношениях даже больше» [Бунин 1988, 271].

** The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 22-18-00347 “I.A. Bunin’s early work: poetry, prose, criticism, journalism, translations (1883–1902)”.

А.И. Эртель – писатель народнических взглядов, в его произведениях большое внимание уделяется изображению жизни народа, главным образом крестьянства пореформенного периода. Как отмечает В.И. Коровин, «народничество в широком смысле слова основывалось на изучении жизни крестьянской массы, оказавшейся на перепутье между наследием феодализма и веяниями буржуазной городской цивилизации, – с тем, чтобы направить эту жизнь по единственно верному пути» [История русской литературы... 2005, 198]. Комментируя один лист из записной книжки И.А. Бунина, в котором писатель сделал набросок, представляющий собой перечисление фамилий прозаиков, поэтов, издателей и теоретиков литературы, Е.Р. Пономарев пишет: «Этот список прозаиков, как представляется, более точно отражает литературные влияния на молодого Бунина, чем опубликованные им тексты мемуарного характера <...> Преобладают в нем писатели народнического направления и так называемые прогрессивные писатели, которых молодой Бунин, надо думать, читал много – под влиянием старшего брата» [Пономарев 2020, 81–82]. В этом списке мы встречаем и упоминание А.И. Эртеля. Впрочем, о влиянии А.И. Эртеля на свое раннее творчество Бунин вспоминал и в мемуарах. Он признавался, что в отрочестве подражал разным писателям, более всего Лермонтову, но ему никогда «в голову не приходило быть меньше Пушкина, Лермонтова», однако «это не исключало страстного интереса вообще к писателям» [Бунин 1988, 550]. В числе этих писателей И.А. Бунин упоминает и А.И. Эртеля: «Я и тогда чувствовал его литературность, простоту» [Бунин 1988, 551]. Отметим, что Бунин рос в народнической атмосфере, не только читал произведения народников, но и общался с ними. Анализ области «Ранняя проза И.А. Бунина и народническая литература», а также в целом исследование раннего творчества Бунина представляет собой актуальную проблему современного литературоведения, это отмечает и С.Н. Морозов: «...ранняя проза И.А. Бунина остается наименее изученной» [Морозов 2023, 35].

Образ крестьянина – один из ключевых в творчестве А.И. Эртеля, крестьяне являются важнейшими героями рассказов «Земец» (около 1878), «Крокодил» (1882), «Мои домочадцы» (1880), «Мужичок Сигней и мой сосед Чухвостиков» (1880), «От одного корня» (1879), «Под шум вьюги» (1878), «Поплешка» (1881), «Последние времена» (1882), «Серафим Ежиков» (1880), повести «Волхонская барышня» (1883), «Повести о жадном мужике Ермиле» (1886), романа «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» (1889) и др. В раннем творчестве И.А. Бунина образ крестьянина тоже немаловажен, уже в первом рассказе русского классика «Два странника» («Божьи люди») (1887) мы встречаем образ мужика-странника. Созданы образы крестьян и в рассказах «Кастрюк» (1892), «Мелитон» (1900), «На край света» (1894), «На чужой стороне» (1893), «Неожиданность» («Вести с родины») (1893), «Танька» (1892) и др.

Прослеживается связь и с точки зрения жанровой классификации малой прозы А.И. Эртеля и И.А. Бунина. В статье «Творчество А.И. Эртеля» Я.С. Билинкис называет рассказы Эртеля очерками [Билинкис 1958, VII]. О том, что первые рассказы Бунина имеют черты очерка, пишет

Е.Р. Пономарев: «...ранняя бунинская проза вырастает из газетного бытового очерка, хорошо знакомого юному Бунину по газетной работе в “Орловском вестнике” и народническо-“прогрессистскому” кругу чтения, который сам писатель очертил уже на исходе жизни в записной книжке» [Пономарев 2022, 182]. Однако анализ отличий очерковой поэтики А.И. Эртеля и И.А. Бунина – вопрос сложный и требует специального рассмотрения.

Отметим параллели в рассказах А.И. Эртеля «Земец» и «Поплешка» и И.А. Бунина «Кастрюк» и «Неожиданность» («Вести с родины»): действия рассказов укладываются в один день, сюжеты охватывают одного-двух персонажей, мы встречаем схожие мотивы, описания погоды, типы крестьян. К примеру, общее у писателей наблюдается в образе крестьянина, «отжившего свой век», таковы Онисим из рассказа «Земец» А.И. Эртеля и Кастрюк из одноименного рассказа И.А. Бунина.

У Эртеля главный герой отправляется «под вечер июньского дня» [Эртель 1883а, 268] в знакомую усадьбу, однако заблудившись, он видит в поле огонь и едет на него. У костра он встречает трех молодых крестьян, но те оказываются не приветливы и не желают помочь заплутавшему герою. Участие проявляет «какой-то старик», который, узнав, что рассказчик направляется к Перхотину, рекомендует следующим образом: «Они гласные, произнес он и затем добавил: – и я гласный. Гласный Онисим. Может, слышали? Не-эт? Ну, не знаю – меня все господа знают. Я – Онисим» [Эртель 1883а, 269]. Онисим всячески пытается подчеркнуть свою значимость, что писатель изображает с помощью лексического повтора: «Я – Онисим, повторил он и ухватил за бороду в кулак. – Как же. Меня господа знают. Я гласный... – и как будто спохватившись, добавил: – вот на пахоту пришел. Насчет порядка, например. Ребята молодые, я и слежу; нельзя!.. Я вижу, – я все вижу. У меня ежели огрех – я проберу, ежели сошник сломан – клочку задам, пахота мелковата – выволочку. Хе, хе, хе... Я не люблю этого. Меня и господа знают» [Эртель 1883а, 270].

Но молодежь, с которой Онисим вышел ночью в поле за старшего, насмехается над стариком, один из ребят «брезгливо» говорит: «Ну, чего, старик, врешь? Чего врешь!..» [Эртель 1883а, 270], а остальные, как сообщает автор, «неопределенно усмехнулись» [Эртель 1883а, 270].

Условность должности, которую занимает Онисим, демонстрирует в «Письмах из деревни» Александр Николаевич Энгельгардт, размышляющий о роли гласных: «Конечно, я сам выбираю гласного от землевладельцев; но зачем я его выбираю – я и сам не знаю. Приказано, потому и выбираю. Мужики тоже выбирают гласного от сельского сословия, потому что приказано, и молят: “отпустите вы нас только поскорее, потому что у нас покос, уборка хлеба”. Если бы меня выбрали в гласные, то я и сам не знал бы, зачем меня выбрали и что я там буду делать» [Энгельгардт 1999, 43]. При этом, пишет А.Н. Энгельгардт, «крестьянам всё равно кого выбирать в гласные – каждый желает только, чтобы его не выбрали» [Энгельгардт 1999, 122]. Как видно из представленного свидетельства, должность гласного не давала никакого особого положения, а крестьяне не желали ее

занимать, чтобы не терять драгоценное время, которое можно посвятить полевым работам.

А.И. Эртель через отношение молодых ребят, внуков Онисима, к старику демонстрирует крушение старых порядков в деревне, заключающихся в неукоснительном почитании старшего по возрасту. Отношение внуков к Онисиму, старающемуся всячески прибавить себе значимости в глазах главного героя, постоянно говорящему о своей должности, оттеняет его «ненужность»: внуки то презрительно насмеваются над Онисимом, то снисходительно посмеиваются, то негодуют на старика. Эртель прямо заявляет об отсутствии уважения у молодого поколения: «Когда же неуважение внуков явно обострилось и уже окончательно грозило потрясти Онисимов авторитет, он плаксиво поникал носиком и беспомощно обижался» [Эртель 1883а, 271]. Непослушание изображено в сцене, где мерин крестьян зашел на господские луга и Онисим попросил своего внука сбегать за конем – внук отказался, и Онисиму пришлось бежать самому.

Онисим всячески старается подчеркнуть свою значимость и важность, и когда он узнает, что рассказчик из другого уезда, то начинает кичиться. Бахвальство Онисима автор изображает с помощью гиперболизации: все बारे округи – его друзья и даже обедают с ним за одним столом: «Ты знаешь Марка Панфилыча, мирового? – говорил Онисим, – ну, он мне друг. Как ни приеду, сейчас это – чаю, водки и пошла писать. Барин добрый. Ну, и я для него... Я для него большой приятель, прямо надо сказать. А предводителя знавал? Митрофана Семеныча? И он друг. Барин большой, а меня почитает. Не токмо что чай там аль иное что, обедать с собой саживал. Мужик я, а он саживал. Важный барин. И детки у него – важные детки: мужик я, а они понимают – гласный!.. Всякий почет мне. На это у них строго» [Эртель 1883а, 271]. Проводив героя до ближайшего места ночевки в Жигулевку, Онисим уже и его рекомендует как своего друга: «Это барин с Грязнуши. Ты ему давай всего – он заплатит. Он барин важный. Он друг мне. Заблудил» [Эртель 1883а, 276]. С иронией изображает А.И. Эртель и чинопочитание Онисима: «Я гласный. Я гласный, а во мне этого нет, чтоб зазнаваться, например. Я знаю – господину я нужен. И я уважаю. Ты посмотри теперь в земстве на меня. Я смотрю. Как чуть поднялся ежели Назар Назарыч, я уж понимаю, я встал» [Эртель 1883а, 274].

Таким образом, А.И. Эртель изображает старика, занимающего, с точки зрения крестьян, «ненужную» должность, мешающую возможности трудиться должным образом в сезон полевых работ. Внуки насмеваются над ним, не уважают и не воспринимают всерьез. Отметим, что встречаем мы его ночью в поле.

Тип крестьянина, «отжившего свой век», создает И.А. Бунин в рассказе «Кастрюк». Однако свое внимание писатель акцентирует совсем на других аспектах: он изображает внутренние муки крестьянина, привыкшего к ежедневному труду, в первый «стариковский» день. Кастрюк «первый раз за всю жизнь остался дома на стариковском положении» [Бунин 1895а, 128], он ощущает свое одиночество и ненужность: «...все говорило ему, что он теперь отживший человек» [Бунин 1895а, 132]. В статье «Старость как

функция: образы стариков в прозе молодого Бунина» Д.Д. Николаев отмечает, что «старика у Бунина – лишние люди, лишние не в переносном, а в прямом смысле, лишние в жизни» [Николаев 2020, 219].

Кастрюк постоянно пытается найти себе занятие, ностальгирует по прежним временам, когда он был молод и здоров. Автор показывает, что Кастрюк осознает свое нынешнее бессилие: в ответ на просьбу наняться в работники молодой барин улыбнулся, «потому что знал, что дед это так, чтобы потешить себя» [Бунин 1895а, 132]. Отметим, что в более поздних вариантах рассказа Бунин эту фразу убирает.

Кастрюк страдает от безделья, это подчеркивают встречи с людьми, занятыми работой, с солдатом и пастухом: солдату со стариком некогда разговаривать, потому что необходимо обследовать железнодорожные пути, а пастух только и успел ответить, что стадо чечеринское, и тут же бросился за свиньями.

Отметим то общее, что есть в образах Онисима и Кастрюка. Оба старика любят выпить: Онисим постоянно рассказывает истории о том, как его угощают выпивкой; проводив главного героя до ночевки, он первым делом напоминает хозяину дома об оказанной некогда услуге, после чего хозяин немедленно наливает Онисиму стакан «тотинского». Кастрюк же получил свое прозвище, «потому что выпивши, он любил петь про Кастрюка старинные веселые прибаутки» [Бунин 1895а, 128]; вспоминает о том, что в деревне никто не мог выпить больше него; молодому барину из Залесного говорит, что вместо папироски ему лучше предлагать «шкалик-другой красенького» [Бунин 1895а, 131]. Папироской угощает Онисима и герой рассказа «Земец».

Оба крестьянина «доживают» свой век, Бунин изображает Кастрюка, осознающего свое бессилие и ненужность в первый «стариковский» день, а Эртель – Онисима, который уже осознал свое бессилие и ненужность и борется с этим осознанием постоянным напоминанием себе и окружающим о занимаемой должности гласного. Обратим внимание, что в конце рассказа сын разрешает Кастрюку пойти с ребятами «в ночное», пасти лошадей в летнюю ночь. Бунин так же, как и Эртель, изображает сцену непослушания: когда Кастрюк едет с ребятами в ночное, он просит их подождать, но дети его не слушаются. Оканчивается рассказ тем, что ночью Кастрюк молится и после ложится спать. В то же время рассказ Эртеля начинается как раз с того, что заплутавший ночью путник ищет дорогу до владений знакомого барина. Таким образом, рассказ Бунина можно рассматривать как некий диалог с рассказом Эртеля, поскольку он не только заканчивается в то же время суток, что и начинается рассказ последнего, но и крестьяне заняты одинаковым трудом: пасут ночью лошадей.

Прослеживаются параллели у А.И. Эртеля и И.А. Бунина и в рассказах «Поплешка» и «Неожиданность» («Вести с родины»). Центральным событием обоих рассказов является общественно-значимое явление: голод крестьян, вызванный неурожаями 1880 г. (изображенный в «Поплешке») и 1891–1892 гг. (изображенный в «Неожиданности» («Вести с родины»)). Как замечает Е.Р. Пономарев, «выход сюжета на злободневную

общественно-политическую проблему – следствие влияния на раннего Бунина народнической литературы» [Пономарев 2022, 185]. Поплешка из одноименного рассказа А.И. Эртеля – молодой крестьянин, которого главный герой встречает зимой по дороге в степи. Отметим, что Поплешка – уменьшительное от имени Поплий, образованного от латинского корня *populus*, что можно перевести как «народный». Таким образом, писатель иносказательно представляет в образе Поплешки тяготы всего русского крестьянства. Описывая Поплешку, автор создает образ бедного, забитого человека: «Мужичок поражал своим убогим видом <...> От всего существа его веяло какой-то слабостью и унижением» [Эртель 1883b, 63–64]. Одет Поплешка плохо: всю его одежду, начиная с онучей и заканчивая шапкой, Эртель сравнивает с лохмотьями. О бедности и голоде говорит телосложение крестьянина: его «тощие» ноги автор сравнивает со спичками.

Бедность крестьян также связана с тем, что они «в кабале» у попа, но на попа нельзя жаловаться, «он засыпет». Поплешка, как и половина его села, ходит в батраках, остальная и вовсе «ходит по миру». При этом крестьянин считает попа добрым только потому, что тот угощает водкой: «Он работу помнит – придешь к нему, сейчас он тебе водки... Добрейший поп!..» [Эртель 1883b, 65]. Эртель вводит мотив спаивания крестьян, зачастую в его рассказах отрицательным персонажем является владелец кабака. Поп тоже связан с кабаком: «Кабак-то у него свой, – таинственным полупешепотом добавил он, – попадьин племянник в нем. Племянник – попадьин, а кабак – попов!» [Эртель 1883b, 65].

После признания Поплешки, что ему двадцать пятый год, луна освещает его лицо, которое кажется рассказчику «очень старым», как у старика. Ближе к концу диалога с главным героем крестьянин «охваченный наплывом непрестанных нужд, с безнадежностью» восклицает: «Умирать нам, матушка... Один нам конец – умирать!» [Эртель 1883b, 69]. Звучат мотивы обреченности и смерти. Отметим, что мотив смерти является одним из ключевых и в рассказе «Неожиданность» («Вести с родины»). Это настроение Поплешки характерно для образов стариков у И.А. Бунина. Так, Д.Д. Николаев отмечает: «Старость для него является одной из проекций обреченности <...> своего рода период между жизнью и смертью, когда настоящее концентрируется на тоске по прошлому, а будущее как таковое вообще отсутствует, потому что будущее – это смерть» [Николаев 2020, 219–220]. Сходство с Поплешкой имеет Мишка Шмыренко из рассказа Бунина «Неожиданность», как изначально назывался рассказ «Вести с родины». Действительно, и Поплешка, и Мишка Шмыренко – молодые крестьяне, но в отличие от Эртеля Бунин не сравнивает Мишку со стариком: он создает образ крестьянина, уже умершего к моменту появления в рассказе. По мнению Д.Д. Николаева, «в противопоставлении “жизнь – смерть” старость у Бунина относится скорее не к жизни, а к смерти: именно поэтому образ старика оказывается не нужен в рассказе “Неожиданность” (“Вести с родины”), где ключевую роль играет смерть еще не старого человека» [Николаев 2020, 220].

В обоих рассказах мы встречаем мотив дороги, который является одним из ключевых: именно в пути главные герои встречаются крестьян. Рассмотрим два отрывка с описанием погоды перед встречаей героев с крестьянами.

1. У Эртеля: «Кругом распространилась снежная степь. Кусты там и сям выделялись на ней серыми пятнами. Был сильный ветер, и несла подземка. Растрепанные тучи быстро бежали по небу. Из-за туч, неверно и трепетно, светил месяц» [Эртель 1883b, 63].

2. У Бунина: «Ночь была страшно морозная и ветреная; сухой, мерзлый снег визжал и скрипел под санями... за необозримым, мертвым полем всходил красный огромный месяц и в его низком свете видно было, как задиралась и дымилась подземка...» [Бунин 1895b, 131].

Действие в обоих отрывках происходит зимней ночью, в дороге, в ветреную и снежную погоду, при свете месяца. Оканчиваются оба рассказа изображением эмоционального состояния главных героев. У Эртеля встреча с Поплешкой вызывает у главного героя чувство «неизъяснимо мучительной тоски», автор подчеркивает это состояние последней строкой рассказа: «Тоска... тоска!..» [Эртель 1883b, 70]. В рассказе Бунина Мишка Шмыренок не просто знакомый Дмитрия Волкова, главного героя рассказа, он лучший друг детства, который сравнивается с родным братом. Оттого воспоминания о последней встрече вызывают у Волкова состояние уныния: «И хватая себя за голову, он растерянно пошел по комнате, ловя разлетевшиеся и разбитые, и ошеломленные мысли...» [Бунин 1895b, 132]. Отметим, что в следующем варианте рассказа, опубликованном спустя четыре года, Бунин усиливает трагичность эмоционального состояния героя, изображая уже истерику: «И, стискивая себе пальцы, плача и усмехаясь, он растерянно сел на диван и стал качаться, как от зубной боли» [Бунин 1897, 111].

Обратим внимание и на возраст героев, они ровесники: Поплешке идет двадцать пятый год, а Волкову, как он сам говорит в разговоре с Иваном Трофимовичем, «двадцать четыре года и пять месяцев и двенадцать дней» [Бунин 1895b, 125], то есть тоже двадцать пятый год. Можно догадаться, что Мишка Шмыренок – ровесник Поплешки и умер в возрасте около двадцати пяти лет. Бунин сообщает, что до того как умереть, Михаил Колесов похоронил собственного ребенка, в рассказе Эртеля Поплешка успел похоронить двоих детей. Как и Эртель, изображает Бунин худобу крестьянина: «...у него и прежде были узкие плечи, молодое худощавое лицо... Но еще худее стал он, когда его, в белой новой рубахе, клали в гроб» [Бунин 1895b, 128]; а также его убогую одежду: «...он был в растрепанных лаптях и углы воротника его рваного зипуна торчали как-то по-нищенски, закрывая исхудалое, большое лицо» [Бунин 1895b, 132].

Оба крестьянина бедствуют, голодают и ищут работу. Отметим общую причину, побудившую авторов изобразить трудность Поплешки и Мишки Шмыренка: голод крестьян. Однако Эртель хочет показать трудную жизнь крестьянства в целом: Поплешка рассказывает не только о своей жизни, но и о том, что у односельчан дела обстоят не лучше. На вопрос о том, что ждет крестьянство, Поплешка неоднократно повторяет: «горькие време-

на». Бунин в свою очередь демонстрирует, что «пухнувшие от голода» крестьяне – это не просто газетные строки, а реальность. В его рассказе «горькие времена» уже наступили: он концентрирует внимание на конкретном персонаже – крестьянине Михаиле Колесове, умершем от голодного тифа.

Таким образом, выявлено, что крестьяне из проанализированных рассказов имеют общие черты и характеристики, а рассказы «Поплешка» и «Неожиданность» («Вести с родины») являются откликом на общественно-значимые события – неурожай 1880 г. и 1891–1892 гг. соответственно. Однако Эртель пишет о крестьянах обобщенно: в образе Поплешки он изображает трудности не одного человека, а всего пореформенного крестьянства; Онисима использует, чтобы изобразить отсутствие уважения у молодого поколения крестьян к старшим. Бунин же создает образ Мишки Шмыренка, которому читатель сопереживает, он изображает бедность и трудности конкретного персонажа. В «Кастрюке» Бунин изображает первый «стариковский» день, которых будет еще множество, и муки Кастрюка, осознающего свое бессилие и крестьянскую «ненужность». В рассказах Эртеля и Бунина мы встречаем изображение крестьян примерно одного возраста, их общих переживаний, трудностей и тягот, одинаковой погоды, времени суток, мест действия. Проведенный анализ позволяет утверждать, что, создавая рассказы начала 1890-х гг., Бунин использовал цепочки мотивов, близкие произведениям Эртеля.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Билинкис Я.С.* Творчество А.И. Эртеля // *Эртель А.И.* Записки Степняка. М.: ГИХЛ, 1958. С. III–XXXVI.
2. (а) *Бунин И.А.* Кастрюк (Очерк) // Русское богатство. 1895. № 4. С. 127–137.
3. (б) *Бунин И.А.* Неожиданность. Очерк // Русское богатство. 1895. № 6. С. 123–132.
4. *Бунин И.А.* На край света и другие рассказы. СПб.: Издание О.Н. Поповой, 1897. 255 с.
5. *Бунин И.А.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1988. 720 с.
6. История русской литературы XIX века. В 3 ч. Ч. 3 (1870–1890 годы) / под ред. *В.И. Коровина*. М.: ВЛАДОС, 2005. 543 с.
7. *Морозов С.Н.* Ранняя художественная проза И.А. Бунина в периодических изданиях 1887–1902 годов // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № 1. С. 34–41.
8. *Николаев Д.Д.* Старость как функция: образы стариков в прозе молодого Бунина // Старость как сюжет: Статьи и материалы. Тверь: Тверской государственный университет; ИРЛИ РАН, 2020. С. 212–225.
9. *Пономарев Е.Р.* Жанровый генезис и сюжетология ранней прозы И.А. Бунина // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 4. С. 178–193.

10. Пономарев Е.Р. История русской литературы XIX – начала XX веков глазами И.А. Бунина (один лист неопубликованной записной книжки) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 80–91.

11. Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб.: Наука, 1999. 714 с.

12. (а) Эртель А.И. Записки Степняка. Т. 1. СПб.: Издание О.И. Бакста, 1883. 280 с.

13. (б) Эртель А.И. Записки Степняка. Т. 2. СПб.: Издание О.И. Бакста, 1883. 300 с.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Morozov S.N. Rannaya khudozhestvennaya proza I.A. Bunina v periodicheskikh izdaniyakh 1887–1902 godov [I.A. Bunin's Early Prose in Periodicals of 1887–1902]. *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly*, 2023, no. 1, pp. 34–41. (In Russian).

2. Ponomarev E.R. Istoriya russkoy literatury XIX – nachala XX vekov glazami I.A. Bunina (odin list neopublikovannoy zapisnoy knizhki) [The History of Russian Literature of the 19th – early 20th Centuries Through the Eyes of I.A. Bunin (One Sheet of an Unpublished Notebook)]. *Literaturnyy fakt*, 2020, no. 2(16). pp. 80–91. (In Russian).

3. Ponomarev E.R. Zhanrovyy genesis i syuzhetologiya ranney. prozy I.A. Bunina [Genre Genesis and Plot Theory of I.A. Bunin's Early Prose]. *Studia Litterarum*, 2022, vol. 7, no. 4, pp. 178–193. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Bilinkis Ya.S. Tvorchestvo A.I. Ertelya [A.I. Ertel's Works]. Ertel A.I. *Zapiski Stepnyaka* [Stepnyak's Notes]. Moscow, Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1958, pp. III–XXXVI. (In Russian).

5. Nikolaev D.D. Starost' kak funktsiya: obrazy starikov v proze mladogo Bunina [Old Age as a Function: Images of Old Men in Young Bunin's Prose]. *Starost' kak syuzhet: Stat'i i materialy* [Old age as a Plot: Articles and Materials]. Tver, Tver State University Publ., IRL RAS Publ., 2020, pp. 212–225. (In Russian).

(Monographs)

6. Korovin V.I. (ed.). *Istoriya russkoy literatury XIX veka* [History of Russian Literature of the 19th Century] in 3 parts. Part 3 (1870–1890). Moscow, VLADOS Publ., 2005. 543 p. (In Russian).

Свиридов Владислав Юрьевич,

Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН.

Инженер-исследователь. Научные интересы: русская литература конца XIX – начала XX в., Русское зарубежье, сатирическая поэзия XX в., русская поэзия XX в.

E-mail: v.yu.sviridov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1461-2433

Vladislav Yu. Sviridov,

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Research engineer. Research interests: Russian literature of the late 19th – early 20th century, Russian Abroad, satirical poetry of the 20th century, Russian poetry of the 20th century.

E-mail: v.yu.sviridov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1461-2433